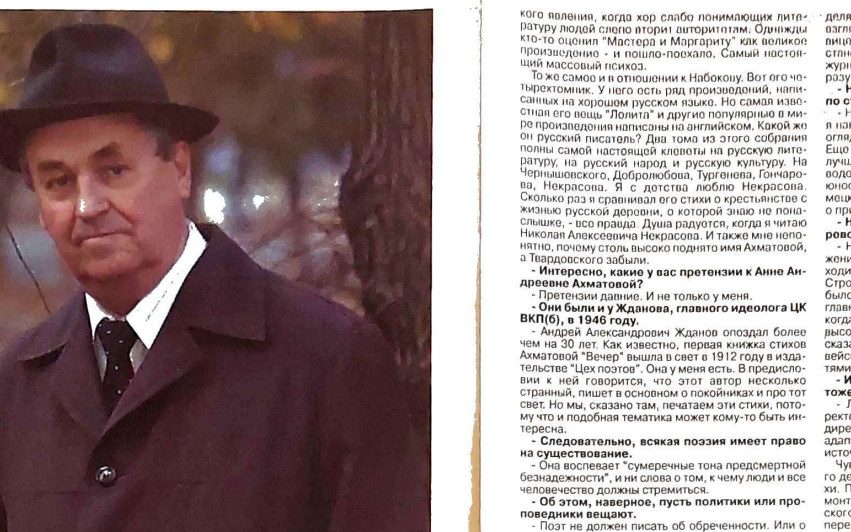
В думах о прошлом, в заботе о будущем

Рубрику ведет
Алмат ЗЛИЛИЙСКИЙ

Известному казахстанскому журналисту Юрию ТАРАКОВУ исполняется 70 лет. Мы попросили юбиляра окинуть взором прожитое, поведать о наиболее памятном и рассказать о главной цели ближайших лет. Собеседник, как убедится читатель, оказался откровенным и бескомпромиссным. Мы не стали переодевать нашего героя в смокинг. Тем более что принимал он нас в рабочем фартуке творца.



Истоки

- Юрий Андреевич, вы родились в 1935 году 7 ноября, в годовщину памятной революционной даты. Известный роман Анатолия Рыбакова называется "Тридцать пятый и другие годы". У вас имя и отчество те же, что у героя Бориса Пастернака доктора Живаго. В какой яркий историко-политический контекст вплетены страницы вашей творческой жизни, осенненной горьковским призывом "вперед и выше!" Давайте вместе с вами пройдем по условной тропе к эдельвейсу - символу успеха.

- Родился я в ленинградской деревеньке близ Карелии. Великая Отечественная война накрыла своим огненным крылом шестилетнего пацана. Эвакуировали нас глубокой ночью на подводах. Вокруг все горело: и лес, и деревни. Эта картина вновь встала передо мной, когда спустя 17 лет я увидел зарево от лавины хлебоуборочной техники на целинных полях Казахстана. Но в годину войны то был огонь народного горя. Все страшно голодали, ели гнилую картошку. Привезли нас в село Сторожно на берегу Ладожского озера, я смотрел в окошко, как летают немецкие самолеты. Они нас все время бомбили. Очередь трассирующих пуль как-то прострочила землю у моих ног. Затем нас эвакуировали под Вологду, откуда мы отправились в Мурманскую область, в город Мончегорск, где строился завод. Там я пошел в школу. Ученикам давали в день по 50 граммов хлебушка, посыпанного сахарным песком. Понятно, что я не особенно успевал в учебе. В классе был один учебник на всех. Тетрадей не было, мы писали на газетах. Но учителя были необыкновенные. Математику прекрасно преподавал Кирилл Абрамович Абрамочкин. Экзаменационную работу за седьмой класс по алгебре на четыре написали только двое, остальные - на пять. Знания по математике у меня сохранились на всю жизнь. Мой внук - шестиклассник в математической школе, так мы с ним решаем задачи уже за седьмой класс.

- А интерес к литературе когда у вас возник?

- Учебник по литературе в пятом, шестом и седьмом классах тоже был один на всех. Я декламировал стихи лучше всех. Учитель литературы Эдуард Иванович меня часто вызывал к доске читать стихи и басни по ролям и мне суфлировал. И ставил меня в образец. В девятом классе я уже руководил драмкружком, у меня было право из любого класса в любое время вызвать любого ученика для репетиции сцены или концертного номера. Кружок был настолько популярен, что все школьные хулиганы просили взять их туда.

- Но вы не пошли в театральное училище.

- У меня нет музыкального слуха - ни петь, ни танцевать не умею. Какой из меня артист? Весь этот художественный опыт ушел в мой внутренний мир.

Мы обитали в бараке из 14 комнат с общим коридором. Все семьи жили дружно, нас, детей, было много. Воспитывали нас воры. Не забыть мне Ленку Попова, самого из них удачливого. Накрадет он по сараям продуктов, принесет в барак и все детям раздаст. У него было замечательное качество - никогда не попрошайничать и не опрашивать. Если у тебя что-то есть, ты должен все это по-честному разделить, не задавая вопросов: хочешь ты или не хочешь, надо тебе или не надо? Этот принцип засел у меня на всю жизнь.

- Чем он кончил, Ленька Попов?

- Он стал завсегдатаем детских колоний, потом работал ассенизатором и после одной из пьянок умер. В целом из этих моих десяти друзей-приятелей человек семь спились. Пили в Мончегорске несносно. "А чё! На Севере живем! Право имеем!" Я поступил в институт и, может быть, потому уцелел. Хотя... Есть известное выражение - "среда заела". Но я, например, курить никогда не курил, и никто из приятелей меня не заставлял. Не хочешь, ну и не надо. Я до сих пор не курю. По окончании школы мне дали характеристику, что я никакой общественной работы не вел.

- Как так? А драмкружок?

- Это же не политика, а так - пустяки. Бросил я эту характеристику и поехал в институт. А там никто про эту бумажку и не спросил.

- Куда вы надумали поступать?

- В знаменитый Украинский сельхозинститут в городе Белая Церковь. Конкурс - 10 человек на место. Приехал я с двумя своими одноклассниками. За четыре дня мы должны были сдать все экзамены: диктант, физику, химию, литературу. Только четверо из 40 абитуриентов (и мы в том числе) сдали три экзамена на отлично и хорошо. Пришли на литературу, взяли билеты. Тут появляется ректор, дает экзаменатору список лиц, которые должны быть непременно зачислены, так как все профильные экзамены ими успешно сданы. И поставили нам по пятерке. На первом же курсе меня приняли в комсомол, и тогда же я стал секретарем комсомольской организации вуза. У нас были прекрасные преподаватели, один из них написал учебник по гистологии, по которому учились студенты сельхозинститутов всего Союза.

На журналистской стезе

- Юрий Андреевич, от гистологии или паразитологии пахнет чем угодно, но только не журналистикой.

- Дело было так. По окончании в 1959 году института я в числе других желающих уехал на целину. Проработал примерно полтора года в Кокчетавской области главным зоотехником совхоза "Коммунист". Вдруг районной газете потребовался заведующий сельского хозяйства. Кто-то кому-то сказал, что Тараков литературой увлекается, и мне предложили эту должность. Потом началась перемена мест - из района в район. Был замредактора, редактором разных районных газет. Окончил Алматинскую высшую партийную школу (ВПШ), поработал в Кокчетавском обкоме партии, потом меня избрали вторым секретарем Рузаевского райкома, затем назначили редактором областной газеты "Степной маяк". Читал лекции по практической журналистике в ВПШ. С 1980 по 1985 год работал замредактора "Казахстанской правды", затем - в аппарате ЦК Компартии Казахстана. Создавал печатный орган Верховного Совета республики - газету "Советы Казахстана" и стал ее главным редактором.

- Сердце не болело по зоотехнике?

- Когда я занялся журналистикой, она была иной, чем сейчас. Газетчик обязан был хорошо знать свой предмет, быть профессионально компетентным в освещаемой отрасли. Работая в газете "Степной маяк", я ни единой претензии не получил от руководителей области. Был удостоен второго ордена Трудового Красного Знамени. А первым был награжден еще в бытность вторым секретарем райкома партии. Получить такой орден газетчику было по тем временам величайшей редкостью. Если журналистов иной раз и награждали, то, пожалуй, только медалями и грамотами.

- Что вам наиболее помнится из ваших целинных лет?

- Сейчас нередко можно слышать, что в то время у людей не было заинтересованности. Это неправда. Дай Бог, чтобы люди сейчас работали так, как они трудились тогда. Куда ни приедешь, куда ни пойдешь, везде царил труд с полной отдачей. На полевых станах обед был отличный, мяса сколько хочешь. Люди помогали друг другу, не было ни зависти, ничего негативного.

- Значит, вы не краснеете за свое партийное прошлое?

- Абсолютно! Когда распустили Компартию на пленуме ЦК, не нашлось ни одного человека, который бы встал и сказал: "А я против! Это что за ЦК?"

- Не говорит ли это о вырождении КПСС?

- Потому что брали в партию кого попало. Особенно в руководство. Нужны были строжайший отбор, селекция кадров. Я считаю, что другой исторической перспективы, кроме социальной справедливости, у человечества нет. Уверен, что потомки возродят эти идеалы и будут гордиться нашей историей.

- А лагеря, а репрессии?

- Этот грех лежит на тех, кто искажал чистые идеалы на практике.

- Как бы вы оценили нынешние тенденции в журналистике?

- Частично я, кажется, уже ответил на этот вопрос. В мое время журналисты были сильнее, крепче, компетентнее. Лучшие из них знали проблемы той или иной отрасли не хуже профессионалов. Это касается и промышленности, и строительства, и сельского хозяйства, и культуры.

Вкусы и пристрастия

- Что меня не устраивало в расхожих суждениях о литературных произведениях, так это панегирики в отношении того же "Мастера и Маргариты" Булгакова. Я считаю этот его роман одним из самых слабых в русской литературе. Это повторение Гоголя, притом в не лучшем варианте.

- Одна из известных сентенций Михаила Булгакова переклинается с принципом, которому всегда следовал Ленька Попов из вашего голодного детства: "Никогда ни у кого ничего не просите. Сами придут и дадут". Это ведь жизненное кредо Булгакова.

- Я не поручу этого писателя, напротив, отношусь к нему хорошо. Но этот его роман воспринимаю таким, какой он есть, - средний роман в сравнении с другими его вещами. Я с немалым удовольствием и симпатией прочел воспоминания Валентина Катаева о Булгакове. Да, синеглазый, да, красавец и прочее. Но я категорически против такого явления, когда хор слабо понимающих литературу людей слепо вторит авторитетам. Однажды кто-то оценил "Мастера и Маргариту" как великое произведение - и пошло-поехало. Самый настоящий массовый психоз.

То же самое и в отношении к Набокову. Вот его четырехтомник. У него есть ряд произведений, написанных на хорошем русском языке. Но самая известная его вещь "Лолита" и другие популярные в мире произведения написаны на английском. Какой же он русский писатель? Два тома из этого собрания полны самой настоящей клеветы на русскую литературу, на русский народ и русскую культуру. На Чернышевского, Добролюбова, Тургенева, Гончарова, Некрасова. Я с детства люблю Некрасова. Сколько раз я сравнивал его стихи о крестьянстве с жизнью русской деревни, о которой знаю не понаслышке, - все правда. Душа радуется, когда я читаю Николая Алексеевича Некрасова. И также мне непонятно, почему столь высоко поднято имя Ахматовой, а Твардовского забыли.

- Интересно, какие у вас претензии к Анне Андреевне Ахматовой?

- Претензии давние. И не только у меня.

- Они были и у Жданова, главного идеолога ЦК ВКП(б), в 1946 году.

- Андрей Александрович Жданов опоздал более чем на 30 лет. Как известно, первая книжка стихов Ахматовой "Вечер" вышла в свет в 1912 году в издательстве "Цех поэтов". Она у меня есть. В предисловии к ней говорится, что этот автор несколько странный, пишет в основном о покойниках и про тот свет. Но мы, сказано там, печатаем эти стихи, потому что и подобная тематика может кому-то быть интересна.

- Следовательно, всякая поэзия имеет право на существование.

- Она воспевает "сумеречные тона предсмертной безнадежности", и ни слова о том, к чему люди и все человечество должны стремиться.

- Об этом, наверное, пусть политики или проповедники вещают.

- Поэт не должен писать об обреченности. Или о мелких интимных "изюминках" своей натуры.

- Юрий Андреевич, вы посвятили много лет языковедческим исследованиям, ощущая благоговение к русскому языку. Почему же к выдающимся мастерам поэтического слова вы столь скептичны?

- Не ко всем. Я очень люблю Александра Твардовского и Константина Симонова. У Твардовского изумительный русский язык. И неповторимый стих. И лиричный, и философичный. Вот кто по-настоящему был достоин Нобелевской премии. А Ивану Бунину знаете, за что ее дали? За перевод "Песни о Гайавате" американского поэта Лонгфелло. Перевод хороший, но за него, что, Нобелевскую премию надо давать? Это присуждение имело чисто политическую подоплеку: Бунин был эмигрантом. Если бы не это обстоятельство, он бы никогда этой премии не получил. Как и Солженицын.

- Вы считаете, что и Пастернаку премию дали за диссидентство, а не за художественные достоинства романа "Доктор Живаго"?

- Да. И Бродскому. За настоящую же русскую литературу - только Шолохову. Если бы члены Нобелевского комитета следовали именно этому критерию, то премию надо было дать и Льву Толстому, и Чехову, и Максиму Горькому. А после революции 1917 года - Маяковскому. Или Алексею Толстому за роман "Петр Первый". Или Леониду Леонову за роман "Русский лес". Или Сергееву-Ценскому за эпопею "Севастопольская страда".

Вообще я всегда был против ажиотажа. Когда поднимали до небес Сергея Есенина, я был против. Почему? Да потому только, что все были "за". Теперь мало кто его вспоминает, а я его люблю. А как шумели 40 лет назад вокруг Евгения Евтушенко... А сейчас как будто бы и нет такого поэта. Как и Роберта Рождественского.

- Вы спите с какой книжкой под подушкой?

- Со стихами Пушкина и Лермонтова.

- А Акунина или Маринину, или Донцову не почитываете?

- Никогда. От этой литературы оскудевает душа.

- Из казахской литературы что вас привлекает?

- По-настоящему мне интересен "Путь Абая" Мухтара Ауэзова. Переводы же стихов самого Абая на русский язык в большинстве неубедительны. У нас нет, как ни жаль, профессиональной школы перевода. Переводчики воссоздают не стихи поэтов, а свои собственные опусы на основе смыслового пересказа подлинника. Не сохраняя ни ритмики, ни поэтичности оригинала.

- Читаете ли вы мемуары, где освещается минувшее?

- Все мемуары на 75 процентов лгут. К ним нужно относиться крайне осторожно. Одно дело - воспоминания литераторов XIX века Панаевых, которые честно и добросовестно рассказали о том, что сами видели и знали. А вот сын Салтыкова-Щедрина в своих воспоминаниях возвел клевету на отца. Или взять мемуары некоторых бывших партийных работников. Они выступают там чуть ли не как главные действующие лица советской эпохи, хотя я, например, работая в ЦК, никогда их в этом качестве не видел. В своих же мемуарах каждый из них чуть ли не эдакий маленький Леонид Брежнев.

- Когда вы собираетесь дома за общим столом, у вас не бывает внутрифамильной "гражданской войны"?

- Бывает. Но она бескровная. Нельзя требовать от детей, чтобы они полностью и безоговорочно разделяли твою позицию. Наиболее близок ко мне по взглядам старший, Александр. Он сейчас является вице-президентом республиканской газеты "Казахстанская правда". Но сказал он мне: никогда заниматься журналистикой, я ни одну его статью не правил и ни разу не сделал ни одного замечания.

- Ни по томе, ни по подходам, ни по языку, ни по стилю?

- Ни по одному материалу. Потому что тем самым я нанес бы ему большое зло. Он всегда бы писал с оглядкой: а что отец скажет? Сын сам развивался. Еще в девятом классе он стал писать стихи, причем лучше меня. Вот его первый сборник стихов и переводов - "Затмение под солнцем" (2001 г.). Я тоже в юности и сочинял, и переводил с английского и немецкого. И могу, если нужно, лекцию вам преподать о принципах художественного перевода.

- Не хотите прочитать что-нибудь из своих переводов?

- Нет, это давние опыты, не получившие продолжения. Когда я работал в районных газетах, там приходилось целыми полосами писать каждый день. Строчкогонство страшное! Не до высокой поэзии было. Притом частые переезды. Дети пошли... Но главная причина в другом. Я бросил писать стихи, когда прочитал Якова Полонского и был потрясен высоким уровнем его поэтического искусства. И сказал себе: а стоит ли тебе карабкаться за эдельвейсом поэзии со своими маленькими способностями?

- И средний ваш сын Лев, и младший Андрей - тоже журналисты.

- Лев работает заместителем генерального директора ТОО "Литер Media". Андрей - редактором в дирекции информационных программ на "Хабаре", адаптирует новости, поступающие из зарубежных источников.

Чувство слова воспитано у моих сыновей с раннего детства. На сон грядущий я им всегда читал стихи. Примерно четвертую часть произведений Лермонтова я знаю наизусть, как и многие стихи Полонского, Баратынского - в переводах Курочкина, Гейне - в переводах Михайлова.

- Вы удовлетворены тем, что сыновья пошли по вашей стезе? Мой отец, тоже журналист, когда-то предостерегал меня: если у газетчика нет Божьей искры, то участь его незавидна. Педагог или врач с годами совершенствуется и наращивает свои доходы соразмерно с опытом. А журналист исписывается. И к 70 годам может оказаться у разбитого корыта - у высохшей чернильницы с тупым пером.

- Так говорят, наверное, все родители. И газетчик. И артист. И агроном.

- А инициативность в профессии?

- Это редкость. Дайте почитать "Записки врача" Вересаева любому молодому человеку на рубеже выбора профессии. Да ни за что он в медики не пойдет! И своих сыновей я никогда не подталкивал на свою стезю.

- Что ж, без всяких назиданий и советов ваши сыновья сами сделали свой выбор. Жизнь рушит схему... Скажите, вы иностранными языками в такой же степени владеете, что и Андрей?

- Нет, конечно. Но я глубоко изучал корни слов многих языков. И освоил я, к примеру, греческую грамматику и очутился в эллинской среде, то мог бы и заговорить по-гречески. Кстати сказать, я и в санскрите многие вещи знаю. Это язык древних ариев, который я называю отцом большинства европейских языков.

От звука к смыслу

- Юрий Андреевич, на вашем рабочем столе высится бумажная стопа. Это материалы к составленному вами словарю, который вы назвали "Родная речь. От звука к мысли. Наброски к новому толкованию". Это что, продолжение дела Даля, Ушакова, Ожегова?

- Да, мой словарь тоже толковый, но это словарь не слов, а слогов. Таких словарей никто еще не составлял. Еще лет двадцать назад я задумался над происхождением лексического состава русского языка. В отечественном языкознании укоренилась традиция толковать исконные слова с позиции иностранных языков. А языковеды других стран, изучающие корни слов и их значения в одной языковой системе, поневоле подвергнуть их под свой родной язык, поэтому они никогда не доберутся до общей истины. Возьмите слово "берлога". В немецком есть слово "ber" (медведь), стало быть, "берлога" - это "логовище медведя".

- Вторая-то часть слова - славянская: "лог".

- Так и в первой части ничего немецкого нет. Это славянский корень "бер", живущий во всех славянских языках. Он означает "копать, рыть, ковырять". "Берлога" - это нора животного, не обязательно медведя. Или слово "бор". Во всех славянских языках корень "бо" означает "колоть, резать", а "бор" - "сосна, колючее дерево". Или слово "пельмень". Владимир Иванович Даль зафиксировал лишь одно, и то не главное объяснение этого слова - "бараньё ухо" (в языке зырян). Но в славянских языках это значит "пеленать, крутить, заворачивать". У того же Даля представлено слово "пель" (пеленка). Второй корень "мень" толкуют как "мука". Но если обобщить все значения этого слова в разных славянских языках (что я и осуществил в своем словаре), то "мень" - это "делать, действовать".

- Пока остановимся на этом. Ваша фамилия Тараков что, интересно, означает? "Распеленайте" корень своей фамилии.

- Многие считают, что она у меня казахская. Но фокус в том, что корень "тара", "тарак" широко представлен во всех языках мира, в том числе и в тюркских. Одно из толкований - "резать, ковырять, скрести". Отсюда "тарак" - это "расческа, гребенка" в казахском. А в Карелии, близ которой я родился, "тарак" - это "жердь, кол", куда вешают сети. Рыболовецкий термин, не связанный вроде бы с тюркским началом.

- А Юрий, ваше имя?

- Слог "ю" - это и "плодоносить", и "копать, ковырять", и "пахать".

- Выходит, Юрий означает "земледелец".

- Знаете, откуда пришло к нам слово "сын"? Из древнеарийских диалектов, где "су" означало "рожать". "Сын" - тот, кто родился. Как и корень "до". Отсюда немецкое "Дойчланд" (Родина). Знаете слово "молозиво"? "Моло" - это "первый", а "зиво" в африканских языках - "молоко".

Таким образом, я самостоятельно пришел к известному выводу о том, что все языки происходят от одного первоязыка. Сейчас его найти или реконструировать уже нельзя, потому что он давным-давно умер, нигде и никем не зафиксированный.

- У поэта, историка и путешественника Сергея Маркова есть популярные строки: "Вросли в славянскую тропу кипчакские слова". Вы занимались кипчакскими или шире говоря - тюркскими элементами в русском языке?

- Конечно. Эти корни тоже описаны в моем словаре. Но обычно лингвисты сравнивают два языка, что глубоко ошибочно. Чтобы сделать объективный вывод, необходимо многосторонне сравнивать, сопоставлять десятки языков. Тем более что в казахском языке много и персидских, и арабских корней.

- В чем вы усматриваете значимость вашего словаря?

- Расположить по исходным родовым гнездам звуки и слоги родной речи. Дабы каждый мог заглянуть, откуда они пришли и что с собой принесли. И узнать значение любого слова во всей его смысловой полноте, извлеченной из родственных полей разных языков мира.

- Сейчас в каком состоянии работа над словарем?

- Он почти готов к изданию. Общий объем - 135 печатных листов.

- Это плод индивидуального труда?

- Исключительно. Саша советует мне внести в словарь в качестве введения мои воспоминания эссе "Память слова", которое публиковалось в журнале "Нива" в 1993 году (№ 6) и в расширенном виде - в 2001 году (№ 7-10).

- Какой вам представляется реакция на этот труд со стороны ученых?

- Я готов к неприятию. Но мне важен сам факт издания. Никакого гонорара мне также не получить. Но я надеюсь на то, что найдется мудрый, состоятельный, заинтересованный и щедрый человек, который, как знать, вдруг прочитает этот номер "Вечерки" и поможет издать мой словарь.

- Именно этого вам сейчас не хватает для полного творческого удовлетворения?

- Первое - это. Я подумываю также написать документальное повествование о своем детстве.

- А журналистские мемуары? Они ведь были бы интересны новым поколениям ваших коллег. Профессиональный опыт - вещь бесценная.

- Опыт советского газетчика сейчас не востребован. И время другое. И строчка, и общество. Запросы и требования изменились. И стилистика не та, и приемы. К тому же издание словаря - только первый этап. Наверняка потребуется последующая тщательная его доводка до полной кондиции.

- В ком-то из своих сыновей вы видите соратника-продолжателя этого трудоемкого дела?

- У меня есть внучка Лена. Сашина дочь. Она владеет французским и английским языками (языки призывные места на республиканской олимпиаде). Сейчас по программе обмена учащимися живет в США, в семье, учится в 11 классе американской школы. Осваивает испанский. Думает изучать арабский. И мы ей будем по мере сил и с успехом этот мой труд передавать.

"Вечерка" поздравляет Юрия Андреевича Тараков с юбилеем и желает ему не знать усталости в исследовании истоков родном речи на благо всех носителей русского языка, наших современников и потомков.